

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-72

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 **vmirefiction**

 **read_action**

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

В оформлении обложки использованы иллюстрации:

© ively / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Осенние детективные истории: сборник
О-72 рассказов. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с. —
(Великолепные детективные истории).

ISBN 978-5-04-115657-2

Первые осенние деньки — прекрасная возможность отойти от ярких летних впечатлений, еще раз пересмотреть отпускные фото, убрать легкие наряды, достать уютные плащи, эффектные шарфики и начать все заново. В этом вам помогут любимые писатели — Татьяна Устинова, Анна и Сергей Литвиновы, Евгения Михайлова, Галина Романова — и другие популярные авторы, сочинившие остросюжетные рассказы, вошедшие в сборник «Осенние детективные истории». Открыв его, вы ощутите шелест осенней листвы под ногами, услышите стук дождя по подоконнику и, конечно же, насладитесь увлекательным чтением!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-115657-2

• СОДЕРЖАНИЕ •

Татьяна Шахматова
ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ ГОДА
ДЛЯ ПРОДАЖИ КВАРТИРЫ

7

Татьяна Устинова
ДВЕРЬ В ЛЕТО:
РАЗГОВОРЫ О ЖИЗНИ,
ЛЮБВИ И САМОМ ВАЖНОМ

64

Анна и Сергей Литвиновы
ЧЕРНЫЙ КОНЕК

68

Юлия Алейникова
СВЕТЛЫЙ ОБРАЗ НЕВЕСТЫ

81

Евгения Михайлова
ОСОБЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ

127

Галина Романова
ОСЕННИЙ ПЕРЕПОЛОХ

186

Инна Бачинская
МОНАХ И ДАМА

230

ТАТЬЯНА ШАХМАТОВА

• ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ ГОДА
ДЛЯ ПРОДАЖИ КВАРТИРЫ •

Отвлечься?.. Какое ценное и, главное, своевременное предложение!

Выражение лица собеседника хорошо знакомо Светлане. Они не виделись больше полугода, но *modus operandi* у Глеба прежний. «Очень смешно», — сказал бы он, если бы вообще посчитал нужным высказываться. Глеб стоит на коленях лицом к входной двери, скрючившись, как мальчик Микеланджело, и, наверное, считает лишним препираться в такой неоднозначной позе.

— Ладно. Я тебя отвлеку сейчас, — говорит она сквозь кривую усмешку. — Вот, к примеру, хочешь знать, какие вещи я поняла после тридцати?

Он полуборачивается и неопределенно крякает, что интерпретируется как приглашение к диалогу.

— Значит, так. Первое: спиртное не усиливает коммуникабельность. Второе: количество мужского внимания не зависит от высоты каблука. Третье: в жизни, как и в машине, самое удобное и безопасное место — водительское. Отвлекает?

Он перебрасывает вес тела на пятки, отталкивается, выпрямляется, демонстрируя высокий рост и неплохие пропорции, которые портит уже безоговорочно наметившийся живот. «Забросил сквош, опять подсел на фастфуд», — не без злорадства отмечает про себя Светлана.

Проходя мимо, Глеб усмехается ей в лицо:

— Беда в том, что, когда ты это поняла, у тебя уже был гастрит, плоскостопие и две разбитые тачки. Спасибо за эти ценные сведения, но я предлагал тебе отвлечься от разговора *со мной*. — Он что-то ищет в карманах куртки, но возвращается с пустыми руками.

— То есть попросту заткнуться? — интересуется Светлана с приторной вежливостью.

— Ты слишком стара, — в тон отвечает он.

— Что???

— Слишком стара, чтобы приходить к настолько глобальным выводам о жизни. Это удел семнадцатилеток.

Подача жесткая, удар с накатом, на грани хамства, но это ведь Глеб. Когда смотришь на таких, как он, надо снимать розовые очки, собирать в кулачок розовые сопли и не забывать о чувстве юмора. Он из тех самых детей-индиго восьмидесятых, умы которых воспитаны крепкой советской школой, а умение быть гибкими и даже местами эластичными приобреталось в бурные девяностые, которые не переломали, но и не озолотили, потому что у последних детей из поколения X и первых из поколения Y в эти годы не было даже паспортов. Зато был доступ к спутниковому ТВ, зарубежной музыке и передачам Севы Новгородцева. Так что добавьте к списку полный скептицизм взгляд на вещи, особенно по отношению к настоящему, которое свойски-наивно смешивает патриотические цели, идеи личного обогащения, интеллект,

секс и торговлю, — и получите Глеба Порфирьева собственной персоной. Обижаться на порфирьевский острый язык — ошибка смысла.

— А ты у нас типа старик Лао Бзды, который знает, как устроен этот мир! — парирует Светлана и моментально раскаивается, слыша нотки обиды в собственном голосе и понимая, что надо было промолчать.

Довольная улыбка Глеба подтверждает, что хорошая мысль в этот раз действительно плелась опосля. Тренер по сквошу называет такие удары по воздуху вслед уже пролетевшему мячу догоняшками. «Опоздашка-догоняшка» — их бывший тренер из другого поколения: эмпатичное и эмоциональное дитя конца девяностых, эдакий вечный пупсик, всегда на позитиве. Светлана с Глебом месяца два звали его между собой «голубой устрицей», до того дня, как тот позвонил и отменил занятие, потому что у него разом слегли с гриппом и жена, и ребенок. Впрочем, тайная кличка тренера уже приросла намертво.

Светлана машет Глебу рукой, мол, все равно, и скрывается в кухне.

— Не нервничай так, я его вижу, сейчас вытащу! — кричит ей вслед Глеб, возвращается к двери и снова вступает в интимный диалог с замочной скважиной, пытаясь подсвечивать сам себе телефоном.

— Света!.. Свееет...

Она выходит на зов, останавливается в дверях и смотрит ему в спину со смесью жалости и раздражения.

— Дай мне луч света в этом темном царстве, Светлана!

Молодая женщина закатывает глаза и преувеличенно тяжело вздыхает, но забирает телефон с его раскрытой ладони.

— Давай-давай, принцесса, не пыхти! Такое иногда случается — ключи застревают в замках. Это жизнь.

— Тридцать четыре года живу на свете, и со мной такое впервые, — парирует она, протискивается между сидящим на корточках мужчиной и встроенным шкафом-купе, освещает светлый, начинающий лысеть затылок и направляет луч в скважину. Пролезая, она жалеет, что не сняла туфли: и здесь без каблуков было бы удобнее.

— Да, ччччерт!

— Что?

— Ерунда, можешь еще по нему потоптаться.

— По кому?

— По моему мизинцу, он все равно уже ничего не чувствует.

— Ох! Извини!.. Я даже не поняла...

— Женские каблучки — вещь коварная. У кого-то мизинец вдребезги, а она даже не заметит.

— Глеб, блин! Ты шутишь, что ли? Как всегда, в амплуа гада и гаера?!

Непонятно, то ли Светлана действительно теряет равновесие, то ли просто размахивается и дает подзатыльник незадачливому шутнику.

— Эй, полегче, я рассчитываю как минимум на роль королевского шута, — как ни в чем не бывало продолжает веселиться Глеб, но вдруг резко меняет тон на серьезный. — Так что там четвертое?

Он поворачивает голову, отклоняется и одновременно старается растереть мизинец. Кто разберет в этой темноте, притворяется он или нет. Время Светланиных каблучков а-ля

12 комариный носик, кажется, навсегда ушло

в прошлое. Их сменили удобные платформы, классические квадраты, импозантные пирамидки или лихие казачки, но не выше шести-семи сантиметров. Устойчивость и дороговизна — вот новое кредо успешной бизнес-леди из Чикаго. А сентябрь — самое время для туфель, когда хочется наступить изящным каблукочком на хвост убегающему лету. Вдруг удастся задержать хоть ненадолго? Правда, пока, кажется, наступила только на мизинец бывшего мужа, но ничего страшного, сам виноват, нечего раскладывать свои лапы на весь коридор. В неровном освещении телефонного фонарика лицо Глеба похоже на маску древнегреческого театра. Сатир с огромным носом, смеющимися глазами и черным провалом улыбающегося рта. Рука женщины непроизвольно дергается, и вот уже неверный тонкий луч света показывает совсем иную картину: уголки глаз опускаются вниз, рот скорбно кривится. Комедийная маска медленно превращается в свой трагедийный антипод.

— Так что четвертое? — повторяет «сатир» тише, уходя в шепот, который вдруг кажется ей зловещим.

Светлана молча наблюдает за игрой теней, не понимая, чего он хочет от нее, о чем «четвертом» идет речь? Четвертая стража? Второе пришествие? Что четвертое?

— Ну эти... твои великие афоризмы о законах бытия. Ты уже озвучила три, но я подзреваю, что их гораздо больше.

«Засранец!» — На сей раз Светлана проносит это про себя и снова устанавливает телефон так, чтобы свет направлялся ровно в замочную скважину, а не на его лицо. Она тоже понижает голос до шепота.

— Я скажу тебе кое-что. Есть четвертое, ты прав.

Несколько секунд в темноте коридора, которая в контрасте с освещенной частью двери совершенно непроглядна, стоит густая напряженная тишина, не нарушаемая даже дыханием.

— Для человека, который тупейшим образом сломал ключ в замке, ты слишком много веселишься, — почти кричит Светлана.

Глеб ворчит, мол, ему все же хотелось унести ноги живым с этой встречи:

— Не надо так орать. Сначала мизинец, 14 теперь ухо.

Теперь он принимается за работу с утренним старанием, но совместить два обломка ключа — тот, что застрял в замке, и тот, который остался у Глеба, — задача не из легких. Иногда, впрочем, Глебу и Светлане даже кажется, как будто механизм поддается: еще немного усилий, и они на свободе, но это ощущение всякий раз ложное. Обломки помнят о своей общей истории, края разлома все еще подходят идеально, но части не хотят больше двигаться как единое целое. В конце концов рука Светланы начинает дрожать от напряжения неудобной позы.

— Мне трудно так стоять.

— Обопрись.

— Обо что?

— Об кого — об меня.

— Я лучше выберусь. Мало воздуха.

Он снова перекачивается на пятки, пропуская ее. Движения даются ему уже без прежней легкости. Пользуясь темнотой и тем фактом, что свет у нее в руках, Светлана скользит лучом по его раздобрешней спине, обтянутой светлой офисной рубашкой.

— Можешь идти, так мы все равно ничего не добьемся, обломок внутри деформиро-